

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

БЕЛОЕ СТАНЕТ ЧЕРНЫМ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

Антон Грановский
Белое станет черным

«ЭКСМО»

2011

Грановский А.

Белое станет черным / А. Грановский — «Эксмо»,
2011 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

ISBN 978-5-699-77429-6

Что это за негативы? Неужели они так дорого стоят? Эти вопросы задавали себе журналистка Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов, идя по следу убийцы. Погибли уже два коллекционера — преступник охотится за не проявленными негативами знаменитого фотомастера начала XX века Александра Родченко, друга Владимира Маяковского... Расследуя это дело, Марго и отец Андрей пришли к выводу, что негативы как-то связаны с драматической историей взаимоотношений Маяковского и Лили Брик. Похоже, они скрывают какую-то тайну и могут стать настоящей сенсацией. Что же там запечатлено? И кто готов пойти на преступление, чтобы заполучить раритет?..

ISBN 978-5-699-77429-6

© Грановский А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Антон Грановский, Евгения Грановская

Белое станет черным

© Грановская Е., Грановский А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Египет, ноябрь 1891 года

Два молодых человека стояли возле лотка с восточными сладостями и отирали платками усы. Они только что попробовали по кусочку того, другого, третьего... Названия этих сладостей совершенно невозможно было запомнить. Причем ели по-арабски, руками, что привело обоих в восторг, и теперь переминались возле пыльной дороги, разглядывая саманные и каменные дома и проплывающие мимо повозки.

– Ну и пыль, – сказал один, зажимая платком нос. Он был повыше ростом, постройнее и с виду попроворнее своего спутника.

Некоторое время оба махали платками, пытаясь отогнать пыль от лиц, но с обочины не уходили. Уж очень любопытно было смотреть на непривычный пейзаж. Наконец, когда последняя повозка прогромыхла мимо и поднявшаяся за ней пыль слегка улеглась, тот, что повыше, повернулся к своему спутнику и насмешливо осведомился:

– Ну, кузен? Вы сыты?

– Да, Джорджи. Закуска была превосходная, – ответил второй, невысокий, коренастый, с глазами, подернутыми поволокой. – Хотя и весьма необычная.

– Это вы после скажете – хороша она или нет. Вот погодите, начнет вас пучить, тогда не так запоете!

Принц Георгий расхохотался. Цесаревич Николай задорно махнул на него платком, которым стряхивал пыль с котелка, прежде чем нахлобучить его на голову. Одеты оба молодых человека были в серые костюмы-тройки. Шелковые рубашки блистали белизной. Галстуки были повязаны небрежно, а Георгий еще и котелок носил слегка набекрень, как заправский гуляка.

Георгий пригладил холеным ногтем большого пальца пушистые усы (не такие, впрочем, пушистые, как у Николая) и со смехом поинтересовался:

– Ну, куда теперь?

– Я бы не прочь вздремнуть, – ответил Николай, позевывая.

– Полно вам, Ники. Вы прямо как почтенный господин Ону! Вокруг столько приключений, а вы спать! Знаете, куда я вас намерен отвести?

– Понятия не имею. Но уверен, что это что-то в высшей степени фривольное.

– Угадали! Вы когда-нибудь слышали про египетских альмей?

– Это египетские танцовщицы?

– «Танцовщицы», – весело передразнил Георгий. – Вы просто дитя, Ники. Невиннейшее дитя! Альмеи – это здешние кокотки. Не верите – спросите Ухтомского, он вам подтвердит. – Георгий достал из жилетного кармашка золотые часы, откинул крышечку и, прищурив светлые глаза, глянул на циферблат. – Нас уже ждут, цесаревич. Только умоляю вас – никому! – Принц Георгий прижал палец к губам и насмешливо добавил: – Я желаю сохранить свою репутацию незапятнанной. Все ж таки греческий принц, а не какой-нибудь гвардейский поручик.

Он снова подмигнул Николаю, и оба расхохотались.

Два часа спустя кузены шли по пыльной дороге городка в слегка помятых уже костюмах, улыбаясь и икая от выпитого шампанского. Охрана, следуя строгому указанию, держалась от высочайших персон на расстоянии.

– Ну, каково? – спросил Георгий.

– Прекрасно. Этакое фривольные па! – Николай прищурил глаза, пригладил усы и улыбнулся – скромно и распушенно одновременно, как умел только он один.

Принц Георгий проделал руками несколько ритмичных движений и повернулся вокруг собственной оси, пародируя недавно виденный танец, затем покосился на русского цесаревича и сказал вкрадчиво:

– Я слышал, Николя, в Питере у вас есть одна балерина. Что, хороша?

– Настоящая красавица, – ответил Николай, снова приглаживая усы.

Георгий внимательно на него поглядел.

– Э, цесаревич... Да вы влюблены? Дайте угадаю. Батюшка специально вас в путешествие услал? Подальше от мадемуазель сердцеедки? Что ж, его можно понять. Балерины, это, знаете ли, штучки... Развлекаться с ними приятно, но влюбляться никак невозможно.

Николай поморщился.

– Что за фантазии, Джорджи, я вовсе в нее не влюблен. Вы же знаете, я душой и сердцем предан своей дорогой Алекс.

– Но ваше тело, Ники! Ваше тело! – Георгий изобразил руками неприличный жест и захохотал. – Кстати, Ники, – со смехом сказал он, – альмеи не единственное здешнее развлечение. Завтра я отведу вас к девицам, которые танцуют танец «оса»!

– «Оса»? Это что?

– А вот представьте: девушки крутятся на месте с криком «оса залетела!», «оса залетела!» и начинают срывать с себя одежду, пока не остаются голые.

– Совсем голые? – уточнил Николай.

– Совершеннейше! Ну, а когда на них совсем ничего не останется... – Тут принц Георгий замолчал и красноречиво облизнул алые губы.

Николай посмотрел на кузена насмешливым взглядом и заметил:

– Джорджи, вы самый большой развратник из всех, кого я знаю.

– Просто я кричу о своих похождениях на каждом углу. А вот вы, Ники, развратничаете тихо и скрытно. Этаким скромным развратник. Каково, а! Скромный развратник! Отныне я только так вас и буду называть!

Выдуманное прозвище привело Георгия в полный восторг, но Николаю оно не показалось таким уж забавным, и он нахмурился.

– Полно хмурить брови, Ники! О, глядите-ка!

Георгий остановился посреди улицы как вкопанный и уставился на деревянную вывеску, покрытую арабской вязью. Рядом с названием была намалевана картинка, изображающая красивую темноволосую женщину в профиль с прямоугольными карточками в руке.

– Что это? – спросил Николай без особого энтузиазма.

– А вы разве не помните? Ухтомский про нее давеча говорил. Это гадалка. Говорят, чертовски хорошая. Местные ее даже слегка побаиваются.

– Очередная восточная Кассандра, – лениво проговорил цесаревич Николай и зевнул. Восточные гадалщицы интересовали его гораздо меньше, чем красавицы альмеи, танцующие в прозрачных платьях и откровенно заигрывающие с гостями. К тому же ему сильно захотелось холодного шампанского, чему способствовали сухая погода и густая египетская пыль, набивающаяся в рот и ноздри. – Шампанского бы сейчас, – тихо проговорил Николай.

– Погодите, Ники, будет вам шампанское. Вернемся в «лагерь», и я вас угощу. А сейчас давайте зайдем, страсть как люблю всяческие гадания! Как там у вашего поэта? «Не властны мы в своей судьбе...»

Николай хотел остановить кузена, но остановить греческого принца, если он что-то твердо решил, не в состоянии был бы даже эскадрон гусар. Николай пожал плечами и уныло поплелся следом.

– Интересно, она хотя бы красивая? – задумчиво проговорил Николай, прикрывая нос от пыли платочком.

– А как же! И в самом соку – лет девяносто, наверно!

Георгий остановился перед дверью, быстрым, ловким движением поправил галстук и котелок, подмигнул Николаю и несколько раз громыхнул кулаком по темным доскам. Затем, не дожидаясь ответа, толкнул дверь и вошел внутрь.

Внутри царил теплый полумрак, освещаемый тусклым светом потрескивающих свечей, которые в нестройном порядке теснились на каменных полках. Пахло какими-то благовониями вперемешку с жженой травой. Запах, впрочем, был приятный – мягкий, обволакивающий, успокаивающий.

Лишь когда глаза немного привыкли к темноте, молодые люди разглядели в глубине комнаты женщину. Она сидела за каменным столиком – по-европейски, на стуле. Худая, прямая как палка, с лицом, прикрытым черным полупрозрачным покрывалом. Обнажены были лишь кисти рук женщины, неподвижно, как два спящих белых зверька, лежавшие на каменной столешнице. Одетая вещунья была в странное платье – не похожее на то, в каких щеголяли местные женщины, но и не европейского фасона. Скорее оно напоминало цыганское платье.

– Входите! – сказала вдруг женщина по-французски хриплым голосом. Акцент был сильнейший, но произнесено было, несомненно, по-французски.

Принцы переглянулись. До сего момента они даже не задумывались о том, на каком языке станут изъясняться с гадалкой, и вот проблема разрешилась сама собой.

– Ступайте, Ники, она вас зовет, – прошептал Георгий на ухо русскому цесаревичу, тихонько подталкивая его рукой в поясницу.

– Сами ступайте, – ответил тот, упираясь. – Я сюда за вами пришел.

– Вот как? Да разве вы не хотите узнать свою судьбу?

– Не более, чем вы.

– Ну так идите первым!

– Только после вас, Джорджи!

Молодые люди еще немного потолкались у двери, шикая друг на друга, хихикая и дурачась, как малые дети. Наконец греческий принц выступил вперед.

– Мадам! – начал он громким, задиристым голосом, но в этот момент где-то что-то стукнуло, и по комнате пронесся ледяной сквозняк, который дунул принцу прямо в лицо.

Георгий осекся на полуслове и машинально отступил на шаг. Обернувшись, он увидел, что Николай на него смотрит, усмехнулся и быстро взял себя в руки. На это раз принц заговорил гораздо тише и скромнее.

– Здравствуйте, мадам! Мы с моим другом пришли узнать, что готовит нам судьба. Это возможно?

Гадалка сделала рукой едва заметное движение и ответила глухим голосом:

– Возможно. Снимите шляпы и проходите к столу.

На этот раз ее французский прозвучал без малейшего акцента. Молодые люди торопливо стянули с голов котелки и двинулись к столу, по пути оглядывая каменные стены, на которых висели пучки трав и деревянные маленькие идолы с темными ликами.

В шаге от стола они остановились и уставились на гадалку. Георгий пытался разглядеть лицо женщины, но, кроме мерцающих глаз, ничего не разглядел. Николай же смотрел на ее руки. Руки эти были замечательными – тонкие, белые, с длинными, изящными пальцами и ухоженными ногтями. Они могли принадлежать и двадцатилетней девушке, и сорокалетней женщине, которая тщательно следит за собой.

– Сядьте, – приказала гадалка все тем же глуховатым голосом.

Молодые люди послушно усадились на каменные табуреты. Некоторое время гадалка разглядывала их лица, затем сказала:

– Полагаю, у вас есть деньги, мсье? Мои услуги стоят дорого.

– Деньги у нас есть, – ответил за обоих Георгий и в подтверждение хлопнул себя по нагрудному карману, в котором лежал бумажник. – Мы заплатим любую цену, какую вы назначите.

– Даже если предсказание вам не понравится? – осведомилась гадалка, и приятелям показалось, что в голосе ее прозвучала насмешка.

– Мы заплатим в любом случае, – солидно ответил Георгий.

Гадалка, однако, смотрела не на него, а на Николая. Смотрела пристально и неотрывно, так, что цесаревич, никогда не отличавшийся особой храбростью, даже слегка поежился под ее взглядом.

– А вы? – спросила она, обращаясь к Николаю. – Вы, мсье, готовы заплатить?

– Я... Э-э... Разумеется, – ответил, стушевываясь, Николай.

– Готовы или нет, но вам придется это сделать, – резко сказала гадалка. – Дайте мне свою руку. Ну же!

Николай неуверенно протянул ей руку. Пальцы гадалки были холодными, а их касания почти невесомыми. Она стала разглядывать ладонь Николая, а сидящий рядом Георгий ткнул его под столом ногой в щиколотку и издал горлом тихий смешок. Николай тоже хотел усмехнуться в ответ, но не получилось. Он вдруг почувствовал, что от пальцев гадалки исходит лютый холод, и холод этот пробирается ему под кожу, охватывает ладонь и поднимается выше. Холод добрался до плеч и начал спускаться к груди, к сердцу...

Это ощущение длилось всего несколько секунд, но и их хватило, чтобы Николай пришел в ужас. Он хотел отдернуть руку, но рука словно онемела.

– Ну? – весело спросил между тем Георгий. – Вы что-нибудь разглядели в его ладони, мадам?

Гадалка качнула из стороны в сторону темной головой и вдруг зашептала – быстро и хрипло:

Вижу в тумане кровавую ночь,
Слуг и друзей, убегающих прочь.
В муках кончается старый отец.
Старому миру приходит конец.
Ждет тебя, принц, незавидный удел.
Вижу ряды окровавленных тел.
Пуля династии нить оборвет.
Отпрысков красная плесень пожрет...

Николай тяжело задышал и вырвал руку. От резкого движения котелок свалился у него с колена и покатился по каменному полу, как отрубленная голова. Оба принца проследили за ним взглядами.

– Экая незадача, – дрогнувшим голосом проговорил Георгий, затем повернулся к гадалке и сердито спросил: – Что это вы гадаете, любезная? Какие такие тела?

Гадалка качнула головой, словно прогоняя сонную одурь, потом вдруг схватила руку Георгия и потянула к себе, но принц ее вырвал.

– Что вы делаете, мадам? – визгливо воскликнул он. – Какого черта!

– Кровь, кровь, кровь... – быстро шептала гадалка, раскачиваясь на стуле. – Купи трость... Купи трость... Бамбуковую трость...

Георгий вскочил с места, но теперь уже Николай схватил его за руку.

– Подождите, Джорджи, – сказал он. – Пусть она договорит.

– Если вам угодно слушать эту ахинею про трупы и трости, то... извольте – я сяду, – сказал Георгий и снова сел.

Гадалка между тем продолжала раскачиваться на своем стуле. Она опять забормотала, сначала тихо, но затем голос ее окреп и стал звучать все выше и выше, словно черпая силы из неведомого источника.

Вижу – в короне выходит злодей.
Тысячи вижу убитых людей.
Сквозь окровавленный сумрак и смрад
Трупов зловонных шагает парад...

Она вдруг сняла с пальца кольцо, снова схватила руку Николая, быстро вложила ему кольцо в ладонь и сжала его пальцы в кулак.

– Что это? – нервно проговорил Николай, отдергивая кулак.

– Спасет... – бормотала вещунья. – Спасет... При себе... Всегда... Это власть... Это сила...

Николай разжал пальцы и посмотрел на кольцо, потом опять – совершенно машинально – сжал пальцы в кулак.

Гадалка продолжала раскачиваться на месте, но теперь она бормотала на непонятном восточном языке – тихо и яростно.

– Ну все, – со злостью проговорил Георгий. – Это уже не смешно. Вы как хотите, Ники, а я ухожу!

Он встал со стула и, на ходу напяливая котелок, двинулся к двери.

– Подождите, я с вами! – крикнул ему вслед Николай и тоже сорвался с места.

Молодые люди в мгновение ока достигли двери и, не задерживаясь, выскочили на улицу.

* * *

Востоковед Ухтомский, которого Александр III снарядил в спутники своему нерадивому сыну, сидел развалившись в кресле и читал толстую книгу. Это был моложавый господин с подвижным лицом и черными пронзительными глазами. Он был невысок, но ладно скроен. Лицо востоковеда украшала шелковистая бородка и усы, такие ухоженные, что просто загляденье. В тонких, сильных пальцах Ухтомский держал длинную пахучую сигарету, коробку которых он приобрел в лучшем здешнем магазине. На манжетах Ухтомского поблескивали запонки с изображением драконов, кусающих друг друга за хвосты.

Завидев цесаревича, востоковед положил книгу на восьмигранный столик с арабской вязью и поднялся с кресла.

Поздоровавшись с Ухтомским, Николай немедленно выпалил:

– Князь, а мы были у гадалки!

– Вот как? – произнес Ухтомский, оглядывая Николая с ног до головы.

– Да. Она приказала Джорджи купить трость, а мне подарила кольцо. Вот, посмотрите! Наверняка какая-то копеечная безделушка.

Цесаревич вынул из кармана пиджака кольцо и протянул его востоковеду.

– Хм, – сказал Ухтомский, чуть наморщив нос (он терпеть не мог запаха перегара, даже если тот исходил от представителя царствующей династии), затем взял кольцо и принялся внимательно его рассматривать.

Цесаревич уселся в кресло князя, взял со столика книгу, лениво скользнул взглядом по обложке, швырнул ее обратно на стол и уставился на Ухтомского.

Подвижное лицо Эспера Эсперовича Ухтомского словно оцепенело, черные глаза буравили камень.

– Ну? – поторопил его цесаревич. – Что вы об этом думаете, князь?

– Так-так, – задумчиво проговорил Ухтомский. – Интересно.

– Я думаю, это что-то вроде сувенира. Надо полагать, входит в стоимость гадания. – Тут Николай вспомнил, что за гадание они с Георгием не заплатили, покраснел, кашлянул в кулак и добавил: – Одним словом, подарок.

– Вот как, – сказал на это Ухтомский, рассматривая кольцо на свет.

– Что вы заладили «вот как», «вот как», – рассердился Николай. – Отдайте сюда кольцо. Нет, нет, лучше оставьте его себе! На что мне этот хлам.

– Видите ли, ваше высочество... – медленно заговорил Ухтомский, поворачиваясь к Николаю, – этот, как вы выразились, «хлам» может стоить многие тысячи рублей.

Брови Николая взлетели вверх.

– Что вы говорите? Не понимаю. Это же не бриллиант. Я разбираюсь в камнях.

– Это не бриллиант, – согласился Ухтомский. – Это небесный камень. Частичка метеорита. Я подобные встречал, но этот особый. – Он протянул кольцо цесаревичу. – Видите, на нем есть узор?

– Узор? Какой узор? – Николай схватил кольцо, повертел его в пальцах. – Ничего не вижу.

– Приглядитесь повнимательнее, – спокойно сказал Ухтомский, по опыту зная, что с пьяным цесаревичем нужно обращаться терпеливо и вежливо, чтобы не спровоцировать его на какой-нибудь злобный, мелкий поступок. – Нет-нет, наклоните камень влево... Вот так. Теперь видите?

Николай поднес кольцо к самым глазам.

– Вижу какие-то серебристые прожилки, – сказал он.

– Совершенно верно – прожилки. Будьте добры, обратите внимание на их рисунок.

Николай снова взгляделся в черный камень. Ухтомский смотрел на него пристально.

– Кажется, это крест... – неопределенно произнес цесаревич.

– Значит, вы тоже его видите, – сказал Ухтомский и облегченно кивнул, словно только что убедился, что не страдает расстройством зрения или, не дай бог, психики. Затем востоковед обхватил пальцами свой подбородок и глубоко задумался. – Этого не может быть... – тихо пробормотал он после паузы. – Просто не может быть.

– Чего не может быть? – вскинул на него голову Николай. – О чем вы говорите? Черт возьми, Ухтомский, зачем вы выражаетесь загадками?

– Видите ли, ваше высочество, – слегка смутившись от гнева цесаревича, заговорил князь, – на Востоке есть одна легенда. На заре человечества Аллах приказал людям построить храм – точную копию того храма, который находился когда-то в раю. Храм этот построили и назвали Кааба, находится он в Мекке.

– Зачем вы мне про это рассказываете? – недовольно спросил Николай, у которого от обилия незнакомых и мудреных слов начиналась мигрень.

– Я постараюсь короче, – мягко сказал Ухтомский. – Итак, когда храм был построен, понадобилось обозначить на стене место, с которого необходимо начинать ритуальное обхождение.

– Что-то вроде крестного хода?

– Что-то вроде этого, – кивнул Эспер Эсперович. – Ангел Джабраил, который руководил постройкой, принес людям черный камень, и строители вделали его в северо-восточный угол Каабы. Легенда гласит, что первоначально камень был белоснежного цвета, но потом потемнел из-за прикосновений грешников.

Николай посмотрел на кольцо, потер пальцем камешек, перевел взгляд на Ухтомского.

– И что же дальше?

– Мусульмане считают, что «черный камень» упал на землю с небес еще во времена Адама, – продолжил князь. – По преданию, это был ангел-хранитель, которого Аллах превратил в каменную глыбу за то, что тот плохо присматривал за Адамом.

Николай усмехнулся.

– Смотрите, Ухтомский, будете плохо за мной присматривать, папа тоже превратит вас во что-нибудь этакое!.. Ну, продолжайте, что же вы замолчали.

Ухтомский продолжил:

– Да, собственно, я добрался до главного. Ученые считают, что «черный камень» Каабы – метеорит. Небесное тело из тех, что время от времени падают на землю.

– Ну, а при чем тут кольцо? – спросил цесаревич.

– Видите ли, ваше высочество, миф гласит, что в древности за Каабой присматривало южноарабское племя джурхумитов...

– О-о... – простонал Николай, страдальчески закатывая глаза. – Вы меня уморить хотите, князь?

– Простите, что злоупотребляю вашим вниманием, но наберитесь терпения, ваше высочество, конец уже близок.

– Если вы о моем конце, то он действительно близок, – сострил Николай.

– Так вот, – продолжил князь тоном профессора, читающего лекцию. – Джурхумиты разрушили Каабу и разбили «черный камень». Пришедшие им на смену хузаиты...

Николай вздохнул и, повалив голову набок, высунул язык, изображая умершего.

– ...Хузаиты восстановили храм, – продолжал Ухтомский, не обращая внимания на гримасничанье цесаревича. – Самые маленькие осколки камня они огранили, оправили в перстни и вручили эти перстни своим жрецам. На каждом из таких камней просматривается очертание креста.

Николай слегка приподнялся.

– Как на моем? – с любопытством спросил он.

– Как на вашем, – кивнул Ухтомский. – Возможно, это умелая подделка. Хотя...

– Чушь! – скривился Николай. – Откуда взяться обломку священного камня у простой гадалки?

Ухтомский взял со столика портсигар и улыбнулся.

– Восток – дело тонкое, ваше высочество. Здесь еще и не такие чудеса случаются.

– Благодарю за мудрое изречение, – насмешливо проговорил Николай, глядя на то, как Ухтомский достает сигарету и постукивает ею о портсигар. – Вы еще в дневник его впишете, чтобы не забыть.

Ухтомский пожал плечами, словно говоря: «Что ж поделаешь, если это правда», и чиркнул спичкой, прикуривая сигарету. По комнате расплзлось сизое облако вонючего дыма.

Цесаревич помахал рукой, отгоняя дым от лица, затем снова посмотрел на кольцо. Надел его на палец, вновь снял. Взвесил на ладони. Посмотрел на князя и спросил:

– Так, значит, оно дорого стоит?

– Может быть, – ответил князь.

– Знаете, что я с ним сделаю, Ухтомский?

– Что?

– Верну этой ведьме!

Ухтомский посмотрел на цесаревича, приподняв брови. Он уже привык к неожиданным поворотам в характере и поступках наследника и все же был удивлен. Отдать такой камень!

– Так как, Эспер Эсперович? – снова заговорил Николай. – Одобряете вы мое решение?

Ухтомский тихо покачал головой и сказал:

– Вряд ли она возьмет его обратно, если это подарок. Я бы не советовал вам расстаться с этим кольцом.

– Почему? – По губам цесаревича пробежала усмешка. – Все из-за его «баснословной» стоимости?

– Не только, – спокойно ответил Ухтомский. – Кольцо власти – ваш оберег. Если вы с ним расстанетесь, может случиться несчастье.

– И тем не менее я верну, – упрямо проговорил Николай. – Не желаю оставаться в должниках. Тем более у какой-то египетской цыганки. Нужно к ней кого-то послать. Немедленно.

* * *

Гонец, молодой офицер из корпуса сопровождения, вернулся через полчаса. Цесаревич и принц Георгий в это время сидели в «кают-компании», как они прозвали гостиную в апартаментах Николая, и азартно играли в домино, чтобы скоротать время до темноты, когда они смогут выскользнуть из дома и отправиться смотреть танец-«осу».

Ухтомский был тут же. Князь не выходил на улицу по другой причине: дувший из пустыни ветер вызывал у него воспаление носоглотки, которого князь пытался избегать по предписанию врачей. Ухтомский сидел в кресле с книгой на коленях, шевелил страницами и курил свою длинную вонючую египетскую сигарету.

Войдя в «кают-компанию», молодой офицер шелкнул каблуками и громко сказал:

– Позвольте доложить, ваше высочество!

– Подождите, Андре, – остановил его цесаревич, вглядываясь в свои «костяшки». Несколько секунд он размышлял, затем сделал ход, громко стукнув «костяшкой» о стол, и торжествующе объявил: – Рыба! С вас десять рублей золотом, кузен.

Принц Георгий с грохотом рассыпал свои «костяшки» и поморщился.

– Не моя игра, – сказал он. – Вот карты другое дело. А это...

– Отчего же, отличная игра, – возразил Николай, собирая домино в коробку. – И для ума, и для души. Просто вы никак не можете овладеть правилами, Джорджи. Если не овладеете – будете и дальше проигрывать.

Офицер все это время терпеливо ждал у двери. Наконец Николай соизволил к нему повернуться.

– Ну, Андре? Вы отдали кольцо гадалке?

Офицер состроил кислую мину и со вздохом сообщил:

– Увы, ваше высочество, не получилось.

– Как так «не получилось»? – удивился Николай.

– Гадалка не понимает французского, – еще печальнее ответил офицер. – Я ей и так, и сяк. Пришлось сходить за толмачом, но...

– Как это – не понимает? – снова спросил Николай, повышая голос. – Она прекрасно изъяснялась с нами по-французски. Двух часов не прошло! Как же она смогла позабыть?

– Ваше высочество, – заговорил со своего кресла Ухтомский, попыхивая египетской сигаретой, – может, это какой-нибудь розыгрыш? Я много изучал Восток, и уверяю вас, в Египте невозможно найти цыганку, которая знала бы французский язык. Я вам это еще давеча хотел сказать, но вы были взвинчены, и я не...

– Но она знала! – упрямо сказал, почти выкрикнул Николай. – Даже акцента не было! Джорджи, подтвердите!

Георгий, однако, молчал. Он был бледный и потный, а на лице у него появилось такое выражение, словно он что-то мучительно пытается вспомнить.

– Джорджи! – громко окликнул его Николай.

Георгий вздрогнул и поднял на цесаревича затуманенный взгляд.

– Вы же помните, как эта колдунья разговаривала с нами по-французски? – нервно спросил его Николай.

– Признаться... не совсем, – запинаясь, ответил Георгий. – У меня будто бы все в тумане. – Принц поднял руку и потер пальцами лоб. Внезапно ему в голову пришла догадка. – Ники, это все шампанское, – быстро сказал он. – Точно – шампанское. Видимо, я перебрал лишку. Шампанское – вот в чем дело!

– Перебрал? Это с двух-то бутылок? – Николай скривился. – Не смешите меня! Вам, чтобы опьянеть, ведро шампанского нужно выпить.

Георгий раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но так и не сказал. Он был явно смущен и растерян.

Николай внимательно на него посмотрел и раздраженно проговорил:

– Вы что, совсем ничего не помните?

– Помню что-то про трость... – ответил Георгий, мучительно морща лоб.

– Ну вот! – кивнул, обрадовавшись, цесаревич. – «Купи трость» – вот как она вам сказала! И почему-то непременно бамбуковую!

– Бамбуковую? – растерянно повторил Георгий. – Зачем мне бамбуковая?

– Откуда я знаю, почему бамбуковая? – произнес цесаревич голосом обиженного ребенка. – Сказала, и все. – Николай снова повернулся к офицеру. – Так смогли вы ей объяснить про кольцо?

– Толмач кое-как объяснил, – виновато доложил офицер. – Но кольцо она обратно не взяла. Сказала – не положено, грех. Что отдано, то отдано. – Офицер достал из кармана кольцо и протянул его цесаревичу. – Вот, ваше высочество. Гадалка велела беречь, потому что в нем...

– Что? – нетерпеливо спросил Николай. – Что в нем, Андре?

– Ваша сила и ваша власть, – ответил офицер. И пояснил, словно оправдываясь: – Так перевел толмач. Прикажете еще раз отнести?

– Нет, – ответил Николай. – Я знаю, что с ним делать.

Глава 1

Хорошая привычка – уносить трупы с собой

Москва, май 200... года

1

Вот и еще один год пролетел. Да так незаметно, что аж жутко делалось. Двадцать девятый день рождения. Двадцать девятый! Это же практически тридцать! Не успеешь оглянуться, и тридцать один стукнет – а это почти сорок. А там уже и старость подкрадется – одинокая, безотрадная, страшная, голая и морщинистая, как куриная нога. И никто не подаст тебе ни бокал «Порто», ни вазочку с оливками. Будешь лежать в постели, кутаясь в плед, тупо смотреть на входную дверь, которая не открывалась уже неделю, и думать: «Никому я не нужна. Никому...»

Может, хоть ребенка родить?

Марго отпила глоток «Порто» и скосила глаза на зеркало. Ей вдруг стало до слез себя жалко. Что это за жизнь такая проклятая... Скоро тридцать, а ни мужа, ни детей, ни загородного дома, одна только убитая двушка в Жулебино да старая «Мазда».

И ведь никто даже не поздравит. Телефон молчит со вчерашнего вечера. Не подруги, а свиньи. Да, кстати, а что такое с телефоном?

Марго протянула руку к сумочке, достала телефон. Ну, так и есть – тринадцать неотвеченных вызовов! Сигнал почему-то поставлен беззвучный. Кто его поставил? Поди знай.

«Наверно, я это сделала подсознательно, чтобы не слышать дурацких поздравлений, – решила Марго, снимая блокировку звука. – Тоже мне праздник – двадцать девять лет. Самое время в гроб ложиться да рогожкой прикрываться, а не праздновать».

Не успела Марго додумать до конца эту горькую мысль, как телефон запел соловьем, а экранчик дисплея, розово замерцав, сообщил: «Турук».

«Вот еще этот старый дурак, – с неудовольствием подумала Марго. – Опять будет претензии высказывать. Послать его к черту, и дело с концом». Однако не послала. Вместо этого покорно нажала на кнопку связи и приложила телефон к уху.

– Алло.

– Марго? – раздался из трубки картавый голос редактора Турука. – Марго, это вы?

– Вы ошиблись, это Мерилин Монро.

– Ага, а я уже подумал, что набрал не тот номер. У меня справочник в телефоне накрылся. Марго, что у нас со статьей в воскресный номер?

– Все отлично.

– То есть она готова?

– Нет.

– Как же так, Марго? Вы же обещали.

– Мне сегодня двадцать девять, – грустно сказала Марго.

– А мне пятьдесят, и что с того?

– Да, но мне двадцать девять.

Турук помолчал, потом ответил:

– Если вовремя сдадите статью, у вас появится шанс дожить до тридцати.

– Турук, я ведь вас никогда не подводила.

– Вы всегда балансируете на грани, Марго. И я начинаю уставать от вашей необязательности.

– А я не навязываюсь. Не хотите – как хотите. Прощайте.
– Подождите! Пойдите, Марго! Не кладите трубку! Что за дурацкая привычка доводить все до крайности?
– Вы же сами только что сказали, что устали от меня.
– Я сказал, что «начинаю уставать». Но я согласен еще немного потерпеть. На мою беду, вы слишком хорошо пишете. Читатели вас любят, а я не могу спорить с читателями. Но и моему терпению может прийти конец. В пятницу, Марго. В пятницу статья должна быть в редакции. Иначе...
– Иначе что?
– Иначе я очень сильно расстроюсь. А у меня слабое сердце. Вы ведь не хотите стать виновницей моей смерти, Марго?
– Почему бы и нет?
– Я знал, что вы так ответите. Жду вас в пятницу с материалом. Да, и с днем рождения! Помните: двадцать девять – это еще не конец.
Марго усмехнулась.
– Я знаю. Это начало конца.
– Вы удивительно точно умеете формулировать. Всего доброго!
Турук отключил связь. Марго вздохнула и убрала телефон в сумку.
Итак, пятница. А сегодня у нас что? Вторник. В запасе еще три дня. Нужно срочно ехать в Ленинку, тем более что и книги уже заказаны.
Но Марго лишь достала из пачки еще одну сигарету и лениво вставила ее в рот. Куда спешить в двадцать девять лет? Надо наслаждаться каждым мгновением.
Пока журналистка прикуривала, бармен включил телевизор, и говорящая голова на экране меланхолично забубнила:

В 1890 году будущий император России Николай отплыл на крейсере «Память Азова» в кругосветное путешествие. Поговаривали, что Александр III отправил сына в «кругосветку» вовсе не в образовательных целях, а единственно затем, чтобы в двухгодичных странствиях цесаревич позабыл о своем увлечении балериной Матильдой Кшесинской. Сопровождать цесаревича был приставлен известный востоковед князь Ухтомский...

«И все-таки Турук идиот, – думала Марго, пуская дым и равнодушно косясь на экран телевизора. – Если б не мои тексты, его газетка давно бы загнулась. Набрал двадцатилетних девочек... Безмозглых выпускниц «хрюпинского» университета... Они ему понапишут. Такого профессионала, как я, он больше нигде не найдет. Это я еще такая лояльная. Кто-нибудь другой на моем месте давно бы уже плюнул. Прямо в его толстую физиономию!»
Марго вздохнула. Телевизор продолжал бубнить.

...В Греции к цесаревичу Николаю присоединился его кузен, греческий принц Георгий, человек жизнерадостный, спортивный и легкомысленный. Стараниями Георгия «образовательное» путешествие Николая превратилось в увеселительную поездку. Вместе кузены посетили Египет и Индию, где не только любовались достопримечательностями, но и отдали дань местной кухне и публичным домам.

В японском городе Отсу с высокородными путешественниками произошел неприятный инцидент. Цесаревич Николай и принц Георгий, возвращаясь с ужина, устроенного местным губернатором, заехали в синтоистский храм. Молодые люди были под хмельком и ради развлечения стали стучать тростями по священным колокольчикам, приведя прихожан в настоящий шок. Вид перепуганных японцев лишь развеселил кузенов.

А когда царственные особы продолжили путь, случилось несчастье. Не успели гости отъехать от храма, как к коляске Николая подскочил японский полицейский и ударом сабли рассек на его голове котелок.

Второй удар поставил бы точку в жизни цесаревича, но принц Георгий пришел ему на помощь. Он отклонил удар сабли бамбуковой тростью, которую купил на импровизированной ярмарке у губернатора. Тут подоспели и рикши. Они скрутили сумасшедшего полицейского, за что позже получили от российской казны премию по 2500 долларов каждый. Цесаревичу Николаю наложили на пострадавшую голову два шва, и путешествие по Японии продолжилось.

Полицейского Цуду Сандзе посадили в тюрьму. Кругосветное путешествие Николая, таким образом, было прервано, и цесаревич сухим путем через всю Сибирь возвратился в столицу России. Вот так простая бамбуковая трость спасла жизнь наследнику российского престола...

«Бедный Сандзе, – подумала Марго. – Не смог, что ли, ударить посильнее? И как таких слабаков в полицию берут?»

Она воткнула окуроч в пепельницу. Бармен зевнул, взял пульт и переключил канал.

...Молодой лидер коммунистов Иван Старков, о котором еще полгода назад мало кто знал, заявил, что выставит свою кандидатуру на будущих президентских выборах. Народ пошел за ним. Пошел, когда узнал, что Иван Старков – правнук великого вождя...

Телефон снова забился в конвульсиях. Награждая Турука всеми мыслимыми и немыслимыми эпитетами, Марго полезла за трубкой в сумочку. Как ни странно, звонил вовсе не Турук.

– Ленская, привет! – услышала Марго голос одного из своих многочисленных «агентов-осведомителей».

– А, Гарик. Ты...

– Слушай и не перебивай! – Голос у Гарика был взволнованный, как у всякого мелочного жадины в предвкушении более-менее крупного куша. – Ты ведь готовишь статью о выставке Родченко в Доме фотографии?

– Готовлю.

– Отлично! – Гарик прямо захлебывался от восторга. – Так вот, Марго, у меня в руках милицейская сводка. Полчаса назад следственная бригада выехала на улицу «дяди Гиляя». Там нашли труп Рудольфа Павловича Шихтера!

– Рудольфа Ших... – Марго открыла рот. – Но ведь это же...

– Известный коллекционер старинных фотографий! – выпалил Гарик. И самодовольно добавил: – Видишь, золотце, я тоже смотрю телеканал «Культура». Как тебе такая новость? Марго сглотнула слюну.

– Не знаешь, кто выехал на убийство? – спросила она.

– Майор Синицын собственной персоной. Повезло, да? – Осведомитель захихикал.

– Слушай, Гарик, спасибо тебе огромное. С меня...

– Знаю, знаю. Но ты еще за прошлое дело не заплатила. Если и на этот раз меня кинешь, кредит закроется. Усекла?

– Не волнуйся, заплачу.

– Надеюсь. Кстати, если нет денег, я готов взять натурой. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Знаю.

– И что ты думаешь?

– Перебьешься.

Гарик расхохотался, и Марго отключила связь. По ее чистому, загорелому лбу забегали морщинки. Убит коллекционер старинных фотографий Рудольф Шихтер! И это в преддверии выставки, которая грозит стать главным культурным событием года. Сенсация! Как здорово все совпало.

Тут Марго одернула себя. Человек погиб, а ты радуешься. Разве так можно? Тем не менее настроение резко поползло вверх. Нужно срочно ехать, пока майор Сеницын на месте. Потом в квартиру ни под каким соусом не проберешься.

Марго залпом допила «Порто», швырнула на столик смятую купюру и решительно поднялась со стула.

2

У двери в квартиру теснились соседи. Продравшись сквозь толпу, Марго улыбнулась оперативнику в штатском (она его сразу вычислила – по строгой, скучной, недовольной физиономии) и сказала:

– Здравствуйте! Я Марго Ленская. Майор Сеницын меня ждет.

Оперативник окинул взглядом стройную фигуру журналистки, затем вяло произнес:

– А, Ленская. Проходите. Майор в гостиной.

Он распахнул перед Марго дверь, и журналистка проскользнула в квартиру. В прихожей она не задержалась, а прошла напрямик в гостиную. Двое молодых людей, стоящих у входа в комнату, посмотрели на нее без всякого удивления. Один из них кивнул Марго. Марго кивнула ему в ответ и прошла дальше.

Майор Сеницын сидел на диване и, склонившись над журнальным столиком, заполнял протокол осмотра места происшествия. Марго не видела его полгода. Со времени их последней встречи лысина и живот у майора стали еще обширнее, а в усах появились серебристые искорки седины. Под глазами красовались мешки, щеки обвисли, как паруса, в которые перестал дуть ветер. В общем и целом старик сильно сдал.

– Сеницын, здравствуй! – весело поприветствовала его Марго.

Майор вскинул голову и хмуро посмотрел на журналистку.

– Явилась не запылилась. И откуда только вы, журналисты, обо всем узнаете?

– Носом чуем, – пошутила Марго. – Ты же знаешь, какой у нас нюх на сенсации.

Майор прищурил тусклые глаза.

– А с чего ты решила, что тут какая-то сенсация? Может, это банальный труп без признаков насильственной смерти.

Марго присела на диван, заслонив майора от двух молодых оперативников. Шуршащая купюра с удивительной ловкостью и молниеносной быстротой переключалась из ее кармана в карман пиджака Сеницына. Майор вздрогнул и посмотрел сначала на карман, потом на дверь, возле которой стояли оперативники, и уже в последнюю очередь на Марго.

– С ума сошла? – спросил он одними губами, возмущенно вытаращив глаза.

– Они не видят, – так же, одними губами, ответила Марго.

В гостиной царил настоящий бардак. Шкафы были выпотрошены, вещи – одежда, книги, сувениры – в беспорядке валялись на полу. Марго подняла с полу ближайшую книгу, машинально ее пролистала.

– Не трогай тут ничего, – строго сказал Сеницын. – Не хватало еще, чтобы ты уничтожила улики.

– Да какие там улики... – небрежно проговорила Марго и хотела закрыть книгу, но тут ее взгляд зацепился за чернильную надпись, сделанную на форзаце.

– Что ты там увидела? – насторожился майор.

– Ничего. – Марго закрыла книгу и швырнула ее на пол. – Майор, могу я взглянуть на труп?

– Можешь. Только фотоаппарат не доставай. Увижу – отберу.

– Как скажете, – улыбнулась Марго.

Синицын повернулся к одному из оперативников:

– Ваня, проводи прессу к трупу. Дай ей минуту на осмотр, а потом выпроводи из квартиры. Да, и проследи, чтоб она ничего там не фотографировала.

– Слушаюсь, – ответил оперативник и, сделав руку «колечком», насмешливо обратился к Марго: – Мадам Ленская, позвольте препроводить вас к трупу. Он уже заждался, прямо весь посинел от ожидания.

Коллекционер Рудольф Павлович Шихтер стоял на коленях, уткнувшись лицом в стоявший на табурете эмалированный лоток. Руки Шихтера были связаны за спиной скотчем. Судя по всему, убийца держал голову коллекционера в лотке до тех пор, пока тот не захлебнулся. Красные, оттопыренные уши Шихтера покоились на бортах лотка, делая его голову похожей на ожиревшую, волосатую бабочку с голыми, куцыми крылышками.

Ванная была залита красным светом, что делало место преступления еще более мрачным и зловещим.

В воздухе стоял тяжелый запах химикалий. Ванна была наполнена водой, и в ней, как плоские рыбы, плавали большие, размокшие фотографии. На веревках, протянутых от стены к стене, сушились другие. Зрелище было жутким, и Марго слегка поежилась.

– Его пытали, да? – сдавленно спросила она.

Оперативник дернул уголками рта.

– В точку. Как это вы догадались?

– Кончайте иронизировать, лейтенант, – сказала Марго. – Мертвец все-таки.

– Подумаешь. У нас таких по три штуки на день.

– И всех топят в ванночках с проявителем? – осведомилась она.

– К счастью, нет.

Марго повертела головой.

– А нельзя включить нормальный свет?

– Нет, нельзя, – ответил оперативник. – Вдруг снимки засветятся. А на них может быть что-то важное.

Марго присела возле трупа и тщательно его осмотрела.

– Его точно пытали, – резюмировала она. – Хотели у него что-то выпытать, а он не признавался.

– Вы прямо Пинкертон в юбке!

– Шихтер коллекционировал фотографии Родченко, – снова заговорила Марго, не обращая внимания на колкости оперативника. – Насколько я слышала, Рудольф Шихтер не был богачом. У него была одна страсть, на которую он тратил все свои деньги и все свое время: коллекционирование. Так что брать у него было особо нечего. Кроме фотографий и негативов, конечно.

– А они дорогие?

– Не дороже человеческой жизни.

Марго выпрямилась.

– Из-за чего ж тогда его, по-вашему, убили? – ухмыляясь, поинтересовался оперативник.

– Не знаю, лейтенант. Но думаю, что это как-то связано с его коллекцией.

– Мадам, для того, чтобы сделать такой вывод, не нужно быть Пинкертоном. – Оперативник посмотрел на часы. – Майор дал вам на ознакомление минуту. Минута прошла. Разрешите проводить вас до двери?

– Какая тебе разница – минута или пять?

– Сейчас должна подъехать племянница Шихтера – Виктория. Говорят, очень впечатлительная дамочка. Майор хотел побеседовать с ней наедине. Давайте, Марго, не злите Синицина. Он в последнее время и так нервный.

Оперативник тронул Марго рукой за талию и легонько подтолкнул ее к выходу.

* * *

Марго остановилась у машины, чтобы перекурить. Пока возилась с сумочкой, доставая сигареты, увидела торопливо приближающуюся к подъезду долговязую барышню с крашеными рыжими волосами. «Она? Не она?» – подумала Марго. Секунду помешкав, журналистка шагнула к девушке и деловито осведомилась:

– Простите, вы ведь, кажется, племянница Рудольфа Шихтера?

Крашенная остановилась.

– Да. А вы...

– Марго Ленская, – представилась Марго. – Точнее – старший лейтенант Маргарита Ленская.

– Старший лейтенант? – Девушка удивленно приподняла брови. – Так это ваши люди мне звонили?

– Да, – соврала Марго.

По лицу Виктории пробежала тень.

– С дядей Руди что-то случилось? – взволнованно спросила она.

– Как вам сказать... Знаете что, давайте пройдем в машину и там обо всем поговорим. Вы не возражаете?

– Да, но дядя... С ним все в порядке?

– Этого мы пока не знаем. Квартира ограблена, а сам он исчез.

Девушка побледнела.

– Ограблена? – пробормотала она с сомнением в голосе. – Чушь какая-то... Что там было брать?

Марго воровато оглянулась на подъезд и упрямо повторила:

– Давайте поговорим в машине. Там нам будет удобнее.

Виктория, однако, не спешила соглашаться.

– А почему мы не можем поговорить в квартире? – спросила она. – Почему в машине?

– Там работает следственная бригада, – мягко сказала Марго. – Не будем ей мешать.

– Правда? Ну, тогда... – Виктория пожала плечами и шагнула к машине.

Едва дверцы «Мазды» захлопнулись, Марго тут же приступила к пристрастному допросу.

– Расскажите мне, Виктория, чем Рудольф Павлович занимался в последние дни?

– Чем? – Девушка пожала плечами. – Да тем же, чем и обычно. Хотя... – Она наморщила переносицу. – В последнее время он готовился к выставке фотографий Родченко. Она скоро пройдет в Доме фотографии...

– Да-да, я в курсе, – нетерпеливо кивнула Марго.

– В курсе? – слегка удивилась Виктория.

– А что, думаете, милиция не следит за культурными событиями? – «обиделась» Марго. – Если хотите знать, у нас для этого целый отдел есть.

– Правда? – Девушка неуверенно улыбнулась. – Я не знала.

– Мы не афишируем свою работу, – строго пояснила Марго. – Похитители произведений искусства не должны знать о нашем существовании. Это облегчает расследование.

– Понимаю, – кивнула Виктория.

Перед глазами у Марго замелькали заголовки будущих передовиц: «В МОСКВЕ БЫЛ УБИТ КОЛЛЕКЦИОНЕР СТАРИННЫХ ФОТОГРАФИЙ!» «ТРУП НА ГИЛЯРОВСКОГО. ФОТОГРАФИИ РОДЧЕНКО УБИВАЮТ ЛЮДЕЙ!»

Марго качнула головой, прогоняя приятное наваждение, и с не совсем уместной улыбкой произнесла:

– Виктория, вы сказали, что ваш дядя готовился к выставке фоторабот Родченко. В чем это выражалось?

– Ну... он отобрал несколько снимков, чтобы передать их Дому фотографии. И еще дядя Руди искал какие-то негативы... Да, точно – негативы Родченко. Тоже, наверное, для выставки. Я в этом мало разбираюсь, но он мне все уши ими прожужжал. А буквально пару дней назад он сказал, что разыскал их. Он за ними долго охотился, и вот наконец ему повезло.

«Уж повезло так повезло», – подумала Марго, вспомнив стоявший на коленях труп.

– Что это за негативы?

– Я толком не знаю. Но дядя в последние дни был страшно возбужден. Все ходил по комнате и потирал руки. И еще приговаривал: «Теперь-то я их заполучу!» А один раз остановился посреди комнаты, подмигнул мне и сказал: «Вот погоди, звереныш, эти негативы еще сделают нас миллионерами!»

– Звереныш?

– Это он меня так называл, – смущенно пояснила Виктория. – Ласково. С самого детства. «Ты самый лучший звереныш на свете!» – так он говорил. Скажите, товарищ старший лейтенант, Марго, с ним правда ничего не случилось?

– Я не могу вам всего сказать, – ответила Марго, чувствуя себя настоящей гадиной. – Но мой вам совет, Вика, готовьтесь к худшему. В квартире вас ждет майор Синицын. Расскажите ему все, что рассказали мне.

– А вы со мной туда не подниметесь?

Марго покачала головой:

– Нет. Я сейчас должна уехать. Служба. Всего доброго!

Девушка выбралась из салона.

– Виктория! – окликнула ее Марго.

– Да?

– Не отчаивайтесь. Что бы ни случилось, это еще не конец. Жизнь продолжается.

Марго улыбнулась девушке, затем повернула ключ зажигания, сняла машину с ручника и тронула машину с места.

«Зачем я это сказала? – думала она. – Пошлость какая-то. Ах, боже мой, какая же я подлая. Настоящая гадюка».

Впрочем, спустя всего минуту Марго забыла о муках совести, теперь все мысли журналистки были заняты одним – автографом, который она увидела на форзаце книги, которую подобрала с пола. Это был автограф Александра Родченко. Знаменитого мастера, негативы которого пытался раздобыть Рудольф Шихтер. И, видимо, раздобыл.

3

– Да, Турук, работа продвигается... Что?.. А это уже мое дело. Я обещала вам статью, и вы ее получите. Всего хорошего!

Марго отключила связь и бросила телефон в сумочку. Она только что вышла из кафе, где лихо расправилась с куском яблочного пирога и бокалом «Порто», и теперь шагала к

своей маленькой «Мазде», которую любила и жалела, как бедную родственницу, и которую так же нещадно эксплуатировала, выжимая из нее все лошадиные силы, на какие только малютка была способна.

Весь день Марго думала об одном – о книге, которую увидела в гостинной Шихтера. Размашистая подпись Родченко не давала ей покоя.

Вполне может быть, что эта подпись ничего не значит, думала Марго. Шихтер обожал старинные фотографии и все, что с ними связано. На каком-нибудь букинистическом развале он увидел книгу, надписанную самим Родченко, ну и купил ее. Купил, принес домой, поставил на полку. Потом, наверное, весь вечер радовался удачному приобретению, хотя для любого обычного человека книга эта – совершеннейший пустяк и не имеет никакой исторической или культурной ценности.

Мало ли как книги из домашней библиотеки Родченко оказались у букиниста! Да и кто он такой, этот Родченко? Не Шаляпин, не Троцкий, не Маяковский. Ну мастер фотоискусства, один из зачинателей советской рекламы...

И все же Марго не переставала думать о книге.

Около двух лет назад она познакомилась с одним довольно любопытным человеком в рясе. Дьякон Андрей Берсенов, так его звали. Вместе им пришлось пройти сквозь огонь и воду, и Марго кое-чему научилась у дьякона. Во-первых, она поверила в судьбу и научилась не то чтобы различать, но всерьез воспринимать ее знаки. Во-вторых, Марго научилась доверять собственному чутью. Там, где логика натывалась на препятствие и отказывалась работать, выручало чутье. Или, как говорят сыщики, интуиция.

Вот и теперь интуиция подсказывала Марго, что книгу эту стоит пролистать тщательнее, а судьба говорила: «Я не зря подсунула тебе эту книгу. Любой другой не обратил бы на подпись внимания, но не ты. Ты не станешь отмахиваться от знаков, которые я тебе посылаю».

Не прислушаться к столь явному голосу судьбы было невозможно.

Весь день Марго носилась по своим делам, а с наступлением вечера снова вернулась к девятиэтажному дому в Марьиной Роще. Она припарковала «Мазду» у соседнего подъезда, открыла бардачок и достала из него кожаный футляр с отмычками.

В точности такой же комплект был когда-то и у отца Андрея, и именно он, этот странный дьякон с замашками Шерлока Холмса, научил ее ими пользоваться.

Марго выбралась из машины, закинула на плечо сумочку, воровато оглянулась по сторонам и быстро зашагала к подъезду. Несмотря на опасную операцию, которую ей предстояло совершить, одета Марго была буднично, как простой обыватель, – в зеленую кофточку и длинную цветастую юбку. На худых, загорелых ключицах Марго поблескивала цепочка с золотым кулоном, на пальцах были кольца, на тонких запястьях – разноцветные обручи браслетов, которые Марго обожала и носила в таком количестве, что сама толком не знала, сколько их. Темные густые волосы журналистки были зачесаны назад и стянуты в хвост.

(Марго считала, что одета просто и неприметно, однако, когда она, «простая и неприметная», входила в подобном виде в кафе или ресторан, мужчины тут же забывали про свои рюмки и бокалы и выворачивали шеи, провожая взглядами ее высокую, ладную фигурку.)

У квартиры Рудольфа Шихтера Марго остановилась и прислушалась. Где-то наверху жужжала дрель.

Обстановка располагала к преступлению.

Марго достала из сумочки кожаный футляр с серебристыми отмычками и отклеила край полоски бумаги, опечатавшей квартиру. Внизу зажужжал лифт. Марго замерла, подождала, пока лифт минует ее этаж, и, не колеблясь больше ни минуты, принялась за работу.

А работа была, прямо скажем, адская. Возможно, отцу Андрею с его терпеливым и спокойным характером ничего не стоило пять-десять-пятнадцать минут торчать возле двери

чужой квартиры и ковырять замочную скважину отмычками, отметая их одну за другой. Но Марго помирала от страха и нетерпения и уже через две минуты начала нервничать.

На двадцатой минуте Марго услышала, что по лестнице кто-то поднимается. Тяжелые, размеренные шаги медленно приближались. Все ближе и ближе.

Марго готова уже была расплакаться от отчаяния, но тут замок внезапно поддался. Щелчок, еще щелчок... Дверь приоткрылась.

Марго змеей скользнула внутрь и закрыла дверь. Некоторое время она стояла в прихожей, переводя дыхание и прислушиваясь. Человек продолжал подниматься. Шаги его звучали все громче и отчетливей, заставляя сердце Марго вздрагивать и сжиматься от страха.

Вот человек шагнул на площадку. Вот сейчас повернется, чтобы идти дальше. Сейчас его шаги минуют дверь и удалятся, постепенно затихая. Но не тут-то было. Человек остановился. И остановился он аккуратно возле квартиры Шихтера. Электрический звонок взорвал тишину квартиры и едва не лишил Марго чувств.

«Я пропала», – мелькнуло у нее в голове.

Дверная ручка поползла вниз. И тут Марго с ужасом осознала, что оставила дверь незапертой. Сейчас незнакомец толкнет дверь, и тогда... Марго изо всех сил навалилась плечом на дверь.

Незванный гость тихонько толкнул дверь. Потом еще раз.

«Спокойствие, только спокойствие», – говорила себе Марго, изо всех сил сдерживая дверь.

Наконец незванный гость перестал дергать ручку. Он еще несколько секунд постоял у двери, видимо, о чем-то размышляя или к чему-то прислушиваясь. Затем повернулся (Марго слышала, как скрипнули его каблуки) и стал спускаться вниз.

Лишь когда шаги страшного гостя стихли далеко внизу, Марго облегченно вздохнула. Это ж надо быть такой курицей – оставить дверь открытой! Отец Андрей никогда бы себе такого не позволил.

Вспомнив красивое, улыбающееся лицо дьякона, Марго тоже улыбнулась, но тут же прогнала это воспоминание, заставила себя собраться и сосредоточиться на деле. Нужно найти книгу!

Закрыв наконец дверь на замок, журналистка направилась в гостиную, стараясь не смотреть в сторону ванной, в которой еще несколько часов назад лежал холодный, страшный труп коллекционера Шихтера.

«А если он все еще там?» – подумалось вдруг.

Марго оглянулась. Дверь ванной была приоткрыта, из щели на нее смотрела тьма. Марго вдруг показалось, что из этой тьмы тянет холодком. Такой же холодок пробежал и по спине журналистки. И еще Марго почувствовала тонкий, едва уловимый запах химикалий.

С бьющимся сердцем журналистка подняла руку и стала нащупывать на стене выключатель, чтобы зажечь свет, но вовремя остановилась. Нельзя! Соседи могут увидеть свет и вызвать милицию.

«Да и нет там никого, – убеждала себя Марго, все еще не в силах отвести взгляд от приоткрытой двери ванной. – Слава богу, у милиции есть хорошая привычка – забирать трупы с собой».

Сделав над собой усилие, Марго отвернулась от приоткрытой двери и двинулась в гостиную, спиной и затылком чувствуя черную, страшную щель.

В гостиной царил тот же беспорядок, что и днем. За окном стало почти совсем темно. Марго достала из сумочки маленький фонарик, включила его и пробежала желтым лучиком по полу. Потом перевернула несколько книг, пошарила рукой под креслом и в сердцах пробормотала:

– Черт, куда же она подевалась?

– Что-то потеряли? – проговорил у нее за спиной спокойный мужской голос. Марго хотела закричать, но чья-то сильная ладонь закрыла ей рот.

4

– Тише. Тише, успокойтесь.

– М-м-м, – мычала Марго, дергая головой из стороны в сторону, чтобы сбросить с лица страшную руку.

– Да успокойтесь же, – шептал у нее над ухом злоумышленник, одной рукой удерживая ей руки, другой зажимая рот. – Я не собираюсь вас душить.

Глупо, но в этот жуткий момент Марго вдруг подумала, что от негодя пахнет неплохим парфюмом. Возможно, именно этот пустяк в сочетании с мягким голосом незнакомца помог ей совладать с собой.

– Перестаньте дергаться, и я вас отпущу, – сказал злоумышленник.

Марго послушно замерла.

– Если я вас отпущу, вы не будете кричать? – поинтересовался мужчина.

Марго покачала головой.

– Смотрите, вы обещали, – сказал он и выпустил Марго из своих стальных объятий.

И совершил ошибку. В то же мгновение Марго выхватила их сумочки футляр с отмычками и что есть силы шарахнула им злоумышленника по голове. Тот ойкнул и отшатнулся. Марго хотела ударить еще раз, но он перехватил ее руку и сказал страдальческим голосом:

– Марго, если вы не перестанете драться, мне придется вас связать.

– Марго? – Журналистка замерла с вытаращенными от удивления глазами. – Вы что, меня знаете?

В комнате было слишком темно, чтобы Марго смогла разглядеть лицо нападавшего, но его голос показался ей знакомым. Мужчина поднял с пола фонарик Марго и направил луч себе на лицо.

– Добрый вечер, Марго! – с мягкой улыбкой сказал он. – Вижу, вы до сих пор предпочитаете экстремальные виды отдыха.

– Отец Андрей! – выдохнула Марго. – О господи! Как я рада!

Она бросилась дьякону на шею.

– Ну-ну, будет вам, – насмешливо проговорил дьякон, слегка отстраняясь. – Что за телячьи нежности.

– Вы меня напугали! – выпалила Марго. – Как вы могли, негодяй вы этакий!

– У меня не было другого выхода. Рано или поздно вы бы на меня наткнулись.

Дьякон достал из сумки, которая болталась у него на плече, небольшой фонарь, что-то вроде модернизированной «летучей мыши», поставил его на пол и зажег свет. Свет был тусклый, с улицы его, пожалуй, никто бы не заметил, но комнату он более-менее осветил.

– И все равно вы негодай, – улыбнулась Марго, радуясь тому, что все так хорошо закончилось и что убийца и насильник оказался старым знакомым. – А я-то думаю, почему от бандита так хорошо пахнет? Постойте... – Марго вынула из пальцев дьякона фонарик и направила луч ему на лицо. – А ну, признавайтесь: что вы здесь делаете?

– То же, что и вы, – спокойно ответил отец Андрей, прикрываясь рукой от света. – Ищу улики.

– Улики? Какие улики?

Дьякон откинул с лица длинную прядь темных волос и потер пальцами высокий лоб.

– Череп цел, но шишка нешуточная, – резюмировал он. – Отмычки в умелых руках – страшное оружие.

– Не уходите от ответа, – строго сказала Марго. – Как вы здесь очутились?

– Видите ли, – с неохотой начал дьякон, – Рудольф Шихтер был моим приятелем. В свое время он здорово мне помог в одном запутанном деле. А теперь его убили, и я не могу стоять в стороне.

– Н-да... – проговорила Марго. – А еще говорят, судьбы не существует. Кстати, дьякон, вам эта ситуация ничего не напоминает? Ночь, отмычки, светящиеся буквы на стене...

– И пианино, – весело добавил дьякон.

– Да, точно – пианино! Ночная вылазка в квартиру Тихомирова! Мы тогда чуть весь дом не перебудили. Шумные воришки!¹

Они засмеялись.

– Черт, как же я рада вас видеть, – повторила Марго, стараясь разглядеть в полумраке комнаты лицо отца Андрея. Дьякон был так же худ и подтянут, как год назад. Но лицо его показалось Марго каким-то утомленным, усталым. А на левом виске появился небольшой шрамик. Марго хотела спросить, откуда он, но дьякон ее опередил:

– Я тоже рад встрече с вами. Позвольте вас похвалить, Марго: вы действовали смело и решительно. Вот только слишком долго возились с замком. Я даже заскучал, ожидая, когда же вы его наконец откроете.

– Ну, я не такой умелый взломщик, как вы, – съязвила Марго.

– Бесспорно, – ничуть не смутился дьякон. – Теперь, когда мы все обсудили, пришла ваша очередь признаваться. Что вы хотели здесь найти, Марго?

– Книгу, – со вздохом ответила Марго. – Всего лишь книгу. «Теория и практика рисования». Старая книжка, еще дореволюционная.

Дьякон сунул руку в сумку, вынул книгу и протянул ее Марго:

– Эту?

Марго взяла книгу, откинула обложку и, увидев автограф Родченко, кивнула:

– Да.

– Вас привлекла подпись Родченко?

– Угу.

– Меня тоже, – сказал дьякон. – Это единственная книга из библиотеки Шихтера, на которой стоит автограф. Шихтер гонялся за старинными снимками и негативами, но он никогда не был идолопоклонником и не занимался коллекционированием раритетных книг или вещей. Если бы вы принесли ему кепку Родченко, он бы на нее даже не взглянул.

– Но эту книгу он все же где-то достал, – возразила Марго.

Отец Андрей кивнул:

– В том-то и дело. Вы обратили внимание на цифры?

– Цифры? – Марго поднесла книгу к фонарю. Теперь и она увидела рядом с автографом две бледные, почти выцветшие цифры, обведенные кружком:

¹ О предыдущем расследовании Марго и отца Андрея читайте в романе Е. Грановской «Код Рублева», издательство «Эксмо».

– Кстати, это не единственная моя находка. – Отец Андрей достал из своей сумки какой-то листок и протянул его Марго. – Взгляните на это.

Марго взяла листок, аккуратно его развернула и прочла:

Высылаю негативы Тчк Слежка Тчк Опасно Тчк Расчет при встрече
Тчк

Марго подняла взгляд на отца Андрея:

– Что это?

– Как видите, телеграмма. Речь в ней идет о каких-то негативах.

– Где вы ее нашли?

Дьякон качнул головой в сторону подоконника.

– Под горшком с кактусом. Майор Синицын не удосужился туда заглянуть.

Еще раз прочитав телеграмму, Марго тяжело вздохнула.

– Вы что-то знаете, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес дьякон. – О каких негативах идет речь в телеграмме, Марго? И почему вы вернулись за этой книгой?

– Сегодня утром я говорила с племянницей Шихтера Викторией. Она сказала, что Шихтер разыскивал какие-то негативы. И что вроде бы он их нашел. По крайней мере, в последние дни выглядел он довольным и возбужденным. А вчера даже сказал племяннице, что вскоре они разбогатеют.

– Вот как, – неопределенно произнес отец Андрей. – Значит, – задумчиво продолжил он, – Шихтер нашел то, что искал. Он получил негативы и собирался за них расплатиться. Возможно, в этом вся загвоздка.

– В чем? – не поняла Марго.

Дьякон дернул уголком губ.

– Рудольф Шихтер был хорошим человеком, но и у него имелся один недостаток.

– Какой? – полюбопытствовала Марго.

– Скупость. Он с большой неохотой расставался с деньгами.

– Я не встречала людей, которые делали бы это с радостью, – заметила Марго. – Вы думаете, он не захотел платить и за это его прикончили? Допустим, что так. Но с чего вы решили, что негативы попали к нему в руки?

Дьякон снова сунул руку в карман и протянул Марго еще одну бумажку.

– Это обрывок конверта, – сообщил он. – На нем сохранилась печать с датой. Видите? Позавчерашнее число.

– Вы его тоже под горшком нашли?

– Увы, нет. Для этого мне пришлось исследовать содержимое пылесоса. Занятие не из приятных.

– Могу себе представить, – усмехнулась Марго. – Хорошо хоть, не зря ковырялись. Значит, вы думаете, что два дня назад Шихтер получил на почте заказное письмо с негативами. И что сегодня утром человек, который выслал ему негативы, пришел за оплатой. Но постойте... Зачем этому человеку понадобилось посылать негативы по почте, если он сам мог их привезти?

– Возможно, у него были на то свои причины, – сказал отец Андрей.

– Что же это за негативы такие? Неужели они так дорого стоят? И почему из-за них убивают?

– Слишком много вопросов, – сказал отец Андрей. – И у нас с вами есть всего неделя, чтобы на них ответить.

– Почему всего неделя?

– Потому что через неделю я улетаю в Париж. Я не хочу оставлять в Москве незаконченное дело.

– Летите, куда хотите, я и без вас закончу, – с вызовом сказала Марго.

Дьякон улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Но если вы будете заниматься расследованием одна, я буду за вас волноваться.

– С чего это вдруг?

– Сами знаете.

Марго помолчала. Потом хмуро проговорила:

– Год назад вы исчезли из моей жизни. Исчезли внезапно. Так, что я даже подумала...

Марго замолчала, не зная, как договорить.

– Что я испугался наших отношений и решил от вас скрыться? – Дьякон покачал головой. – Но это не так. Я должен был уехать.

– И не могли позвонить?

– Нет.

– Глупости. Хотя это ваша жизнь, и мне нет до нее никакого дела. И вообще мне надоело сидеть в темноте. Чужая квартира – не слишком хорошее место для бесед. Тем более когда эта квартира – место преступления.

– Вы правы. Нам пора отсюда убираться. – Дьякон положил книгу, обрывок конверта и телеграмму в сумку. Затем вдруг опустился на колени, достал из кармана пластиковый пакетик и что-то смел в этот пакетик ладонью с пола.

– Что это?

– Крошки, – ответил отец Андрей. – Похожи на крошки от кукурузных палочек. Обнаружил их за секунду до вашего появления. Хорошо хоть не забыл забрать.

– Значит, вы теперь специалист по крошкам, – усмехнулась Марго. – И много у вас таких «крошек»?

– На мой век хватит, – в тон ей ответил дьякон.

* * *

На улице посвежело. Дул прохладный ветер, раскачивая ветви деревьев, отчего под желтым фонарем по асфальту пробежали зыбкие тени.

– Похолодало, – сказала Марго, чтобы хоть что-то сказать. Восторг встречи прошел, и теперь Марго чувствовала себя в присутствии дьякона немного неловко. К обиде за его внезапное исчезновение добавилось смущение из-за того, что она бросилась дьякону на шею, словно не была на него обижена.

Марго покосилась на отца Андрея. Он был так же красив, как и год назад. То же узкое, смуглое лицо, темные губы, черный излом бровей, худые, гладко выбритые щеки. А появившийся на виске шрамик только добавлял ему мужественности.

«Черт бы его побрал», – подумала Марго и поежилась от порыва ветра.

Дьякон заметил это, быстро снял пиджак и набросил его на плечи Марго.

– Вижу, вы еще способны на рыцарские поступки, – с иронией заметила Марго. – Спасибо.

– Вы все еще сердитесь на меня?

– А вы как думаете?

– Поверьте мне, я вынужден был так поступить. Я вам когда-нибудь расскажу.

– Почему не сейчас?

– Не хочу, чтобы вы забивали себе этим голову. У нас с вами слишком много дел.

Отец Андрей посмотрел журналистке в глаза и улыбнулся.

– Вы знаете, Марго, весь этот год я...

– Дьякон! – крикнула вдруг Марго.

Отец Андрей быстро обернулся и едва успел отклониться от сокрушительного удара, которым его собирался наградить здоровенный парень в надвинутой на глаза кепке. Второй раз верзила ударить не успел, потому что дьякон вдруг нырнул куда-то вниз, тотчас вынырнул прямо перед лицом незнакомца и ударил его кулаком в челюсть. Незнакомец повалился на кусты, ломая ветки.

– С вами все в порядке? – взволнованно спросила Марго, хватая дьякона за плечи и поворачивая его к фонарю. – Он вас не ушиб?

– Со мной все хорошо, – ответил отец Андрей, потирая кулак. – А вот он не скоро очухается.

Марго тщательно оглядела лицо дьякона.

– Слава богу, синяков нет. Надо вызвать милицию.

– Не надо. Сначала мы с ним поговорим.

– Думаете, это не просто хулиган?

– Не знаю. Но я...

– Смотрите – его нет! – воскликнула Марго и показала пальцем на кусты сирени.

Дьякон в одно мгновение подскочил к кустам.

– Видите? – крикнула Марго. – Он убежал!

– Да, смылся, – подтвердил дьякон. – Не думал, что он так быстро придет в себя. У этого парня железная голова.

– Надо было вмазать ему посильнее, – сказала Марго, потрясая кулаками.

Дьякон наклонился и тщательно исследовал сломанные ветки куста и траву.

– Никаких следов, – удивленно констатировал он. – И исчез он совершенно бесшумно. Словно испарился. Нет, Марго, это не простой хулиган.

– Я вижу, – неожиданно быстро смирилась Марго. – У меня для вас есть еще одна неприятная новость.

– Какая? – поднял голову отец Андрей.

– Ваша сумка, – грустно сказала Марго. – Она исчезла. А вместе с ней и все наши трофеи.

Отец Андрей растерянно огляделся вокруг.

– Ума не приложу, когда он успел ее украсть.

– Похоже, вся эта возня с дракой была лишь отвлекающим маневром, – сказала Марго. – Вы уверены, что вообще ударили его? Думаю, он упал еще до того, как вы его стукнули.

Отец Андрей нахмурился.

– Я попал туда, куда надо. У меня нокаутирующий удар.

– Да ну? Значит, он до сих пор в нокауте? Бедняжка. Ползет сейчас по клумбам, тащит за собой сумку... Как думаете, далеко он успел уползти?

– Смейтесь-смейтесь. Но я знаю, что я прав. Без специальной подготовки такого удара не выдержать никому. Впрочем, не будем отчаиваться. Сумку мы потеряли, зато сами целы. И теперь мы знаем, что за нами следят.

– Да, это здорово поможет нам в поисках, – с иронией заметила Марго. – Единственной нашей зацепкой была книга. А теперь ее нет.

– Но мы помним, что было на форзаце. Во-первых, автограф Родченко. Во-вторых, цифры 67–10, обведенные кружком. От этого и будем плясать.

– Ладно, как скажете, – согласилась Марго. – Но сперва давайте поужинаем. Я так голодна, что готова съесть дохлого носорога. Вы на машине?

– Нет. А вы?

Марго с усмешкой показала на черную «Мазду», припаркованную у соседнего подъезда.

– Видите вон тот сарай на колесах? Это мой.

– Прекрасная машина, – похвалил отец Андрей. – Будем надеяться, что она не развалится по дороге.

5

Марго набросилась на бифштекс с яростью. Не прошло и десяти минут, как с ним было покончено, и Марго нацелилась на греческий салат, приправленный оливковым маслом. Когда и салат был побежден, она отложила вилку и нож, взяла бокал с «Порто» и с удовлетворенным видом откинулась на спинку стула.

Отец Андрей все еще продолжал колупать вилкой свое карпаччо, о чем-то размышляя. Марго усмирила голод, и теперь в ней снова проснулось всегдашнее любопытство.

– Ну? – нетерпеливо спросила она.

– Что? – не понял отец Андрей, отрываясь от карпаччо.

– Может, перестанете шевелить челюстями и начнете шевелить мозгами? Давайте займемся книгой.

– Вы про подпись?

Марго насмешливо поморщилась.

– Про подпись я и сама могу порассуждать. Расскажите мне о цифрах. Шестьдесят семь – десять. Что они означают?

Отец Андрей отложил вилку.

– Начнем с того, что я никогда не увлекался фотографией, поэтому о Родченко знаю совсем немного, – с ходу заявил дьякон. – Знаю, что прославился он в двадцатых годах. Фотографировал в необычных ракурсах. Начинал как художник и делал вместе с Маяковским советскую рекламу. «Нигде, кроме как в «Моссельпроме» – это их совместный шедевр.

– Это все? – спросила Марго.

Отец Андрей забросил в рот оливку и кивнул:

– В целом да.

– Не густо. А теперь послушайте меня. Александр Родченко родился в 1891 году. Занимался он графикой, дизайном, был художником театра и кино. Один из зачинателей фотомонтажа. Дружил с поэтом Маяковским, работал с ним над рекламными плакатами. Фотографировать Родченко начал примерно в 1924 году, хотя первые эксперименты относятся к более ранним годам. У Родченко была жена – Варвара Степанова, которую он обожал и с которой прожил всю жизнь. На сегодняшний день Родченко – самый знаменитый русский

фотограф. Его работы стали классикой и выставляются во многих музеях мира. Снимки Родченко на аукционах типа «Сотбис» продаются по пятьдесят тысяч баксов за штуку.

Выпалив все это, Марго взяла бокал, отсалютовала им дьякону и сделала большой глоток. Некоторое время дьякон сидел молча. Он был явно обескуражен. Затем сказал:

– Впечатляет. За тот год, что я вас не видел, вы стали самой образованной журналисткой Москвы.

– Я всегда такой была, только вы не замечали. – Марго небрежно пожала плечами и добавила: – Мужчины такие эгоисты.

– О Родченко вы знаете много. Но как нам это может помочь?

– А это уж вы решайте. Я снабдила вас информацией, то есть сделала самое главное. Пришло время и вам немного пошевелить мозгами. Если они у вас еще не засохли.

– Гм... Ну хорошо. Не думаю, что мне в голову придет что-то ценное, но попробую. Итак, Родченко был фотограф.

Марго легонько похлопала в ладоши и сказала:

– Браво.

– Он что-то сфотографировал, – продолжил дьякон, – что-то важное и необычное. Что-то, из-за чего людей убивают и в наше время.

– Опять в точку, – похвалила Марго. – Если вы будете продвигаться к разгадке такими темпами, то к утру мы точно до чего-нибудь додумаемся. Если не уснем по дороге.

– Родченко близко дружил с Маяковским, – невозмутимо продолжил дьякон. – Возможно, негативы как-то связаны с их дружбой. В жизни Маяковского было много тайн. Например...

– Например, его самоубийство, – сказала Марго. – Нынче это модная тема. Каждый месяц какой-нибудь журналист проводит «журналистское расследование» и приходит к ошеломляющему выводу, к которому до него приходили сто тысяч раз: Маяковского убили чекисты! Если и вы собираетесь пойти по той же дорожке, то мне с вами не по пути.

– Вы правы, – признал отец Андрей. – Не будем говорить о тривиальных вещах. Попробуем копнуть немного глубже и забудем на время о Маяковском. В конце концов, Маяковский был поэт, а не агент вражеской разведки. Он писал стихи и поэмы, а не...

Внезапно дьякон остановился. Он уставился на Марго и нахмурил лоб.

– Так-так, – насмешливо сказала Марго. – Похоже, вы до чего-то додумались.

– У меня появилась одна идея. Хотя... я не уверен. В любом случае надо проверить.

Дьякон достал из кармана пиджака смартфон и принялся жать на клавиши. Марго слегка наклонилась вперед, чтобы видеть дисплей, и поняла, что отец Андрей вошел в Интернет.

– Вижу, прогресс и вас не обошел стороной, – сказала Марго. – Что вы ищете, батюшка?

– Сейчас узнаете, – ответил дьякон.

Он еще несколько минут рылся в бездонных закромах Всемирной паутины. Затем поднял взгляд на Марго и прочел нараспев:

Смотрел осовело барышнин глаз –
Под праздник работай за двух.
Красная лампа опять зажглась.
Позвонила! Огонь потух.

И вдруг как по лампам пошло куролесить,
Вся сеть телефонная рвется на нити.
Шестьдесят семь – десять!
Соедините!

– Ну как? – поинтересовался с улыбкой отец Андрей. – Вот вам и ваши цифры. Шестьдесят семь – десять.

– Это что? – подозрительно прищурилась Марго.

– Стихи, – ответил дьякон.

– Это я поняла. Иначе бы вы так не завывали. Но чьи они и про что?

– Поэт в рождественскую ночь пытается дозвониться своей возлюбленной, – объяснил дьякон. – Снимает телефонную трубку и просит «барышню» соединить его с номером шестьдесят семь – десять.

– Вот как, – неопределенно проговорила Марго. – А поэта, надо полагать, зовут Маяковский?

– Именно так, – кивнул дьякон.

Марго была взволнована, но вида подавать не хотела. Она лениво отпила «Порто», поставила бокал на стол и задумчиво повертела его за ножку.

– Значит, все-таки Маяковский, – проговорила она. Подняла взгляд на дьякона и добавила с надеждой в голосе: – Но ведь не самоубийство?

Дьякон покачал головой:

– Нет. Маяковский застрелился в тридцатом году. А эти стихи написаны в двадцать втором.

– Слава богу, – вздохнула Марго. – А нам важна дата?

– Не знаю. Но тут, в сносках... – отец Андрей слегка качнул смартфоном, – написано, что эту поэму проиллюстрировал Александр Родченко. Сделал для нее фотомонтаж.

Марго обдумала эту информацию и сказала:

– Кому Маяковский пытался дозвониться в рождественскую ночь 1922 года? Как звали его возлюбленную?

– Ну, это известно. Он звонил Лиле Брик. Она была любовью всей его жизни. Он с ней жил. Ну, то есть... – дьякон слегка замялся, – жил в семье Лили и ее мужа – Осипа Брика. Он считал Бриков своей семьей.

– Да, я об этом слышала, – кивнула Марго. – Любовь втроем. Прямо шведская семья.

– Не опешляйте, – попросил дьякон.

Марго дернула острым плечиком:

– Да я и не опешляю. Знаете, что в этих стихах самое странное?

Дьякон уставился на нее с любопытством.

– Посмотрите, где была написана поэма? – попросила Марго. – Обычно это указывают после текста.

Дьякон отщелкнул клавишей несколько виртуальных страничек и сказал:

– В Москве.

– А где жила Лиля Брик? Тоже в Москве?

– Ну да. Маяковский указал в поэме не только ее телефон, но и адрес. Вот, послушайте...

В проулок! Скорей! Водопьяному в тишь!
Ух! А то с электричеством станется –
Под Рождество на воздух взлетишь
Со всей со своей телефонной станцией.

– Водопьяный переулок, – подытожил дьякон. – Там они и жили – Лиля Брик, Осип Брик и Маяковский.

Марго наставила вперед палец и назидательно произнесла:

– Вот в этом-то все и дело. Если Маяковский жил с Бриками одной семьей, то почему он в рождественскую ночь не был с ними? Ведь Рождество обычно празднуют всей семьей. Где он шляется? И почему просто не приехал к Лиле, а тратил время и силы, пытаюсь ей дозвониться?

– Вы просто гений! – восторженно произнес отец Андрей. – Не переставаю вам поражаться.

– Не «не переставаю», а «не перестаю», – поправила его Марго. – Вижу, за прошедший год вы поглупели ровно настолько же, насколько я поумнела. Слушайте, а может, я беременна? Говорят, что беременные женщины умнеют. – Марго прикинула что-то в уме и облегченно покачала головой. – Нет, беременность исключается. Сто процентов.

– Уверены?

– Да.

Отец Андрей усмехнулся.

– Что ж, теперь, когда мы узнали, что вы не беременны, можно вернуться к нашему делу. Значит, Родченко указал нам на поэму Маяковского. А Маяковский в поэме дал «наводку» на квартиру Лили Брик. И Родченко, и Маяковский указали на одну и ту же квартиру...

– Значит, клад находится именно в этой квартире! – воскликнула Марго. – Если, конечно, дом еще не снесли.

Дьякон прищурил карие глаза.

– А вы так уверены, что это клад?

– Ну, это я фигурально выражаюсь. Ведь кладом могут считаться не только деньги и драгоценности.

– А что еще? – насмешливо осведомился отец Андрей.

– Ну, там... рукописи, письма... – «И тому подобная чушь», – хотела добавить Марго, но сдержалась. – Давайте лучше подведем итоги нашего расследования, – сказала она. – Итак, коллекционер Шихтер нашел негативы Родченко. Если учесть, что негативов после Родченко осталось море, то, значит, эти – какие-то особенные. Например, Родченко никогда не делал с этих негативов снимки. Как вам такой вариант?

– Годится, – кивнул дьякон.

– Думаю, Родченко сфотографировал что-то такое, что его напугало или насторожило, – продолжила Марго, наслаждаясь собственной безупречной логикой. – Поэтому он и не стал делать с негативов отпечатки, а сами негативы надежно спрятал. Если бы не спрятал, они бы давно уже нашлись, – пояснила она, и отец Андрей кивнул, соглашаясь с ходом ее мысли.

– Идем дальше, – продолжила Марго. – Думаю, что для поисков негативов Шихтер нанял специального человека. Сам он был слишком ленив. Этот специальный человек отыскал негативы и отослал их Шихтеру. А вскоре явился за платой. Шихтер отказался платить... ну, или заплатил слишком мало. И тогда этот «специальный человек» решил, что Шихтеру самое время поплавать в лотке с проявителем.

Марго сделала глоток «Порто», облизнула губы и добавила:

– Интересно, он успел выбить из Шихтера всю сумму до того, как его утопить?

– Вы удивительная женщина, Марго, – мягко произнес дьякон. – С вашим умением связывать факты в цепочку вам нужно работать в милиции.

– Спасибо, нас и здесь неплохо кормят, – сказала Марго, усмехаясь. Она достала из сумочки сигарету, изящно вставила ее в губы и так же изящно прикурила от золотой зажигалки. Выпустила струйку дыма в сторону дьякона и поинтересовалась: – Лучше скажите, что мы будем делать дальше? У вас есть какие-нибудь планы?

– Было бы неплохо наведаться в квартиру Лили Брик, но...

– Что «но»?

– Водопьяного переулка давным-давно нет. На его месте сейчас Тургеневская площадь. Можно, конечно, поступить по-другому...

Отец Андрей задумался. Марго сгорала от нетерпения. Наконец она не выдержала.

– Долго еще вы будете играть у меня на нервах? – сердито спросила она.

– Что? – вскинул на нее взгляд дьякон. – Ах да. Простите. Просто я подумал: если тайник... а вы ведь не сомневаетесь в существовании тайника... Так вот, если тайник в двадцать втором году находился в квартире Лили Брик в Водопьяном переулке, то потом, после того как Брики оттуда съехали, он мог переместиться вместе с ними в их новую квартиру. А именно – в Гендриковский переулок. Брики и Маяковский поселились там четыре года спустя.

– А этот переулок до сих пор существует?

– Да, но называется по-другому.

– Как?

Дьякон улыбнулся.

– Угадайте.

– Неужели переулок Маяковского?

– В точку! А в бывшей квартире Бриков теперь Музей-квартира Маяковского. У вас завтра... часов, скажем, в двенадцать... есть дела?

– Есть, но ради похода в музей я готова их отложить. С детства обожала музеи, – с усмешкой прибавила Марго и передернула плечами. – А чем мне заняться сегодня вечером?

Дьякон, погруженный в свои мысли, не заметил лукавого огонька, засветившегося в глазах журналистки, когда она произносила эти слова.

– Нам нужно побольше разузнать о поэме, – сказал он. – И найти ответ на главный вопрос: почему Маяковский в рождественскую ночь был не с Лилей? Что заставило его уйти из дома? Вот этим вы и можете заняться сегодня вечером. Побродите по Интернету, поищите информацию.

Взгляд журналистки слегка похолодел.

– А что насчет таинственных негативов Родченко? – спросила она сухо.

– Я попробую про них что-нибудь разузнать, – ответил дьякон. – Я близко знаком с директором Дома фотографии Ольгой Орловой. Через месяц открывается выставка работ Родченко. Нанесу ей визит, побеседую. Нам надо спешить. Времени очень мало.

– Вы уже говорили, – сухо сказала Марго. – Это из-за вашей поездки в Париж.

Отец Андрей покачал головой:

– Не только. Нам нужно раскрыть это дело до того, как «специальный человек» убьет еще кого-нибудь.

– Думаете, он не остановится на одном убийстве?

– Уверен, что не остановится.

Марго нахмурила лоб.

– Вы так и не сказали, как называется поэма Маяковского, которую вы тут цитировали?

– «Про это», – ответил дьякон. – Она называется «Про это».

– Про что – «про это»?

Дьякон допил вино, поставил опустевший бокал на стол, вытер рот салфеткой и ответил:

– Это не совсем понятно. Кстати, первая глава поэмы так и называется – «Про что – Про это?».

– И как сам Маяковский отвечает на этот вопрос?

– Расплывчато. Хотите, прочитаю?

– Валяйте. Только без трагических завываний, пожалуйста.

Отец Андрей снова взял смартфон, прищурил карие глаза и прочел, на этот раз совершенно спокойным и прозаическим голосом:

Эта тема ко мне заявила гневная,
Приказала: «Подать дней удила!»
Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное
И грозой раскидала людей и дела.

Эта тема пришла, остальные оттерла
И одна безраздельно стала близка.
Эта тема ножом подступила к горлу.
Молотобоец! От сердца к вискам.

Эта тема день истемнила, в темень
Колотись – велела – строчками лбов!
Имя этой теме...

- Любовь, – выдохнула Марго вместе с дымом.
Отец Андрей оторвался от смартфона и внимательно на нее посмотрел.
– Возможно. Но в поэме на месте ключевого слова стоит лишь многоточие.
Марго небрежно пожала плечами.
– Ну и что? Дураку понятно, что это любовь. И рифма прекрасная. «Лбов – любовь»!
Дьякон поднял руку и потер лоб.
– Да, рифма оригинальная, – сказал он, усмехнувшись. – Лучше бы вы срифмовали с моим лбом «любовь», чем связку отмычек.
– Что, еще болит?
– Немного.
Марго небрежно пожала плечами:
– Сами виноваты. Скажите спасибо, что я не зашибла вас насмерть. – Она стряхнула с сигареты пепел, посмотрела дьякону в глаза и вдруг спросила: – Куда вы пропали год назад, Берсенев?
Отец Андрей отвел глаза.
– Это долгая история.
– Ничего, я готова послушать. Расскажите.
По-прежнему не глядя Марго в глаза, дьякон покачал головой.
– Нет, не сейчас.
Зрачки Марго сузились.
– А когда?
– Потом... когда-нибудь.
– Наверно, связались с какой-нибудь монашкой, – презрительно предположила Марго. – А потом изменили ей, и она дала вам кадилом по физиономии. Поэтому у вас и шрам на виске.
Лицо дьякона вспыхнуло.
– Я... – начал было он, но Марго не дала ему договорить.
– Ладно, – небрежно сказала она. – Мне не так уж это и интересно. К тому же – «кто старое помянет, тому глаз вон». Будем строить наши отношения на новой базе. Вы как – согласны?
– А вы? – прямо спросил отец Андрей.
– Я – да, – ответила Марго и вмяла окурок в пепельницу.

6

По дороге домой Марго купила себе еще одну бутылку португальского портвейна. Она решила сделать себе на ночь коктейль. Но потом – после душа, в мохнатом халате, перед включенным телевизором, забравшись с ногами в кресло – передумала и решила выпить бокал чистого.

На душе было погано. Встреча с дьяконом пробудила воспоминания, от которых Марго давно уже (так она, по крайней мере, думала) избавилась. Теперь эти воспоминания снова взяли ее измученную душу в оборот и не собирались отпускать. Год назад их отношения, вполне товарищеские, даже дружеские, чуть было не переросли во что-то большее. А потом дьякон пропал. Просто испарился, словно его никогда и не было. Его номера телефонов были заблокированы.

И вот прошел год. Марго сидела с ногами в кресле и, обхватив колени, смотрела, как на экране телевизора беззвучно шевелятся рты актеров. С выключенным звуком их игра выглядела еще бездарней. Они были похожи на детей из школьного драмкружка, которые пытаются разыграть на школьной сцене шекспировские страсти. Смешно и глупо.

Время от времени Марго подносила к губам бокал с темно-красным «Порто» и делала маленький глоток.

«Какие все-таки гады эти мужики, – думала Марго устало и беззлобно. – И зачем они выматывают нам душу? Говорят, что женщины непостоянны. Какие глупости. В сравнении с мужчинами мы просто незыблемые скалы. Говорят, что мы легкомысленны. Но ведь это они носятся по жизни, высунув язык, меняя увлечения, работу, женщин. А потом они пропадают. Казалось бы, навсегда. Но проходит год-два, и они снова появляются в нашей жизни, чтобы снова выматывать из нас душу. Какое скотство... Господи, и зачем ты только создал этих проклятых мужчин?»

Ей вдруг вспомнились строчки Маяковского, которые прочел ей в ресторане отец Андрей. И она зашептала, сжимая в руке бокал так сильно, что побелели пальцы:

Эта тема день истемнила, в темень
Колотись – велела – строчками лбов!
Имя этой теме –
Любовь!

Марго залпом допила портвейн. Затем протянула руку к бару, достала бутылку и налила себе еще. «Гулять так гулять», – с горьким отчаянием решила она.

Потом она пила еще. И еще. Затем ей позвонил бизнесмен Соболевский, с которым Марго рассталась полтора месяца назад, после того как он предложил ей руку и сердце, предупредив, что он приверженец «Домостроя» и Марго придется изменить свой образ жизни, ну, или хотя бы внести в него серьезные коррективы. Время от времени Соболевский звонил ей, снова и снова уговаривая выйти за него замуж. На этот раз повторилась та же история. Бизнесмен хвастался кольцом с бриллиантом в два карата, обещал измениться, подарить джип... Марго выслушала его тираду с угрюмым молчанием, а когда он прервался, чтобы перевести дух, сказала слегка заплетающимся языком:

- Соболевский, найди себе другую подопытную мышку.
- Что? – удивился тот. – Какую мышку? О чем ты, Марго?
- Иди к черту, – сказала Марго и брякнула трубку на рычаг.

Потом она допила «Порто» и уснула прямо в кресле, перед включенным, беззвучным телевизором. Телефон звонил еще несколько раз, но Марго его уже не слышала. Она спала тяжелым, похмельным сном. И всю ночь ее преследовали кошмары.

Глава 2

Ночь в «Курфюрстен-Отеле»

Москва, декабрь 1922 года

1

Огромная широкоплечая фигура Маяковского замерла возле стены с развешенными фотографиями. Некоторое время поэт с интересом разглядывал снимки, потом криво усмехнулся и сказал:

– Н-да.

– Что? – не понял Родченко, отрываясь от настраиваемого аппарата.

– Да вот гляжу я на твои художества и понять не могу, на кой черт тебе сдались эти бабы?

Родченко пожал покатыми плечами.

– Мне нравится фотографировать женщин.

– Это женщины? Это изнеженные на солнце кошки, текущие любовным соком. Таких нужно не фотографировать, а е...

Родченко засмеялся. Маяковский еще немного походил по мастерской, рассматривая фото. Возле одного он остановился. Долго всматривался в него и наконец сказал каким-то особенно грустным голосом:

– Не знаю, не знаю... Правильно ли все это.

– Что? – спросил Родченко, устанавливая камеру на штатив.

Маяковский кивнул подбородком на фотографию:

– Да вот эти все ромбы и шары. Разъять все на простые формы несложно, а вот собрать обратно... Надоело упрощать, Саша.

– Это ты-то упрощаешь?

– И я, и ты. Ну, тебе-то проще – выстроил композицию, и порядок. А я работаю со словом, значит – со смыслом. Тут самое простое уже давно придумано.

– И что же это?

– Букварь, – с кривой усмешкой ответил Маяковский. – Дальше упрощать некуда.

– А как же Крученых?

– Дыр-бул-щир? – брезгливо проговорил Маяковский. – Это рев, а не стихи. А реветь полагается зверю, у него лучше получается.

Родченко прищурил на Маяковского лучистые, добрые глаза.

– Ты что, не с той ноги сегодня встал? – негромко спросил он.

– Угу, что-то вроде этого. – Маяковский поправил в нагрудном кармане пиджака большую перламутровую ручку, какой обычно подписывают бумаги в учреждениях большие начальники. Ручка была роскошная.

– Ого! – улыбнулся Родченко. – Где добыл?

На толстых губах Маяковского заиграло подобие улыбки.

– У Левидова выиграл, – горделиво сообщил поэт. – В маджонг. Разделал критикана под орех, это – добыча. Сделай так, чтобы в кадр вошла.

Маяковский сел на стул красного дерева, оглядел резные подлокотники и ехидно проговорил:

– Где ж твои чистые формы, художник? Их и в природе нет, а уж она сильна упрощать. У природы все витиевато и волосато, все запутано – одна сплошная борода на витых ножках. А ты хочешь простых форм.

Маяковский вставил в угол большого рта папиросу, небрежно прикурил от длинной спички.

– Ты сегодня явно не в настроении, – мягко, как всегда, сказал Родченко. – Тебя, должно быть, актриса твоя чем-то обидела. Не дала тебе своих форм видеть, и ты теперь обиду на моих формах вымещаешь.

– Ее формы посимпатичнее твоих, – заметил Маяковский.

– Кто бы спорил. Ну что? Начнем, пожалуй?

– Валяй, начинай. Папироса тебе моя не мешает?

– Мешает.

– Ну, так я ее казню, – Маяковский воткнул недокуренную папиросу в грязное блюдо.

– Стой! – окликнул его Родченко. – А, ты уже затушил. Зажги новую!

Маяковский послушно достал вторую папиросу. Закурил. Повернул бычью голову к объективу фотоаппарата, и Родченко щелкнул затвором.

– Поймал блоху за обмотку, – насмешливо сказал Маяковский. – В следующий раз предупреждай, не то кадр смажу.

– Склони, пожалуйста, голову, – попросил Родченко. – Только без нарочитости, а так, как ты делаешь по своему обыкновению... Так... Хорошо... А теперь смотри в объектив.

Маяковский напряженно уставился на фотоаппарат.

– Нет, не так, – сказал Родченко. – Спокойнее. Будто я тебе что-то важное говорю, а ты слушаешь.

Маяковский кивнул и изменил подъем головы, даже улыбнулся.

– Нет, не пойдет, – Родченко отпрянул от видоискателя камеры, нахмурился, подпер подбородок большим пальцем и уставился на Маяковского немигающим взглядом.

Маяковский спокойно смотрел ему в глаза, не советуя и не спрашивая.

– Вот! – крикнул вдруг Родченко, оживляясь, и ткнул пальцем в Маяковского. – Вот так смотри! Как будто это ты меня снимаешь, а не я тебя! Я – твоя модель!

– Да как скажешь, – пожал Маяковский острыми плечами и стал смотреть на фотографа пристально, оценивающе.

Родченко принялся колдовать над камерой, приговаривая: «так», «отлично», «еще разок». Он был явно доволен.

– Ну? – спросил, вконец истомившись, Маяковский. – Все?

– Еще нет. Ну, то есть получилось-то неплохо, но давай попробуем другой ракурс. Я хочу выжать из тебя максимум, ведь ты ко мне в другой раз не придешь.

– Может, и приду, – отвечал Маяковский, кривя губы. – Хотя на что тебе моя рожа, понять не могу.

– Не кокетничай. Сам ведь знаешь. Лицо поэта – это материк, с реками мыслей, лесами замыслов. На нем печать...

Родченко остановился, и Маяковский насмешливо спросил:

– Ну, чего? Хотел сказать – печать божья? Забыл на миг, что бога нет? Так чья же тогда на нем печать, Саша?

Родченко ничего не ответил.

Он снова склонился над фотоаппаратом, но тут кот, до сих пор мирно дремавший на шкафу, увидел, должно быть, во сне что-то страшное, издал душераздирающий вопль, подскочил и, не успев толком проснуться, сиганул с верхотуры прямо на фотоаппарат. Фотоаппарат рухнул, пластины черным веером посыпались в таз с водой, который непонятно зачем стоял в углу комнаты.

– А, что б тебя, проклятый! – закричал Родченко и попытался пнуть кота, но подлое создание легко увернулось от удара и пулей вылетело в прихожую. Родченко быстро стянул башмак и швырнул его вслед улетающему коту. Маяковский засмеялся.

Наш язвительный Сысой
Дрыгнул пяткою босой!

– прогудел он и со смехом добавил: – Не трожь зверя, Саша. Видимо, ему не понравился твой «ракурс». Это ведь не обычный кот, а кот художника. Имеет, стало быть, представление!

Родченко, вздыхая и бормоча проклятия в адрес кота, достал из таза пластины. Все они были безнадежно испорчены.

– Чертов таз, – сокрушенно и зло произнес Родченко. – Угораздило же поставить его здесь. Не в прихожей, не в уборной, а именно здесь!

– Это судьба, Саша. Не быть тебе фотографом. Даже не пробуй в следующий раз, а то и камеру разобьешь и сам, не дай бог, покалечишься. Малой картины – это твое призвание.

Маяковский поднялся со стула и снял с гвоздя кепку.

– Ты не понимаешь, – огорченно проговорил Родченко. – Фотография дает художнику новые возможности. Лет через десять краски и холсты будут не нужны. Фотография заставит их потесниться. И в этом я должен стать первым.

– Брось, не переживай, – Маяковский положил другу руку на плечо. – Пойдем в кафе, накормлю тебя эклерами.

– А как же фотокамера? – растерянno спросил Родченко.

– После починишь. Когда вернешься, – Маяковский обнял Родченко за плечи и повлек его к вешалке. – Давай-давай, шагай, Рубенс. Мне кое-что нужно тебе рассказать.

– Что рассказать? – все еще сокрушенным голосом спросил Родченко.

– Одну историю, которая приключилась со мной в Берлине. Скучно не будет, обещаю. Надевай калоши, и айда!

2

В кафе «Плезирь» народу было мало. Трое молодых людей в худых пальто пили из стаканов бледно-желтую гадость, которая именовалась здесь чаем. У окна сидела пожилая дама потасканного вида и цедила что-то из рюмки маленькими глоточками. Маяковский заказал пирожных и кофе. Родченко попробовал было опротестовать заказ, но поэт решительно его пресек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.